

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ НА ДИНАМИКУ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Калягин Григорий Владимирович
к.э.н., доцент
МГУ им. М.В. Ломоносова
Экономический факультет
(г. Москва, Россия)

Аннотация

Вопросом о влиянии политических институтов, в первую очередь институтов диктатуры и демократии, на показатели экономического роста и другие макроэкономические показатели задавались и задаются очень многие экономисты. Настоящая работа представляет собой обзор эмпирических и теоретических исследований данной проблемы, единого взгляда на которую до сих пор нет. Достаточно подробно рассматриваются как причины различий в оценках экономической эффективности политических институтов, так и факторы, оказывающие влияние на их эффективность.

Ключевые слова: экономический рост, политические институты, демократия, диктатура

JEL коды: O43, P00, P51, H10

Политические институты и экономический рост

К числу политических институтов, которые, в соответствии с общераспространенным мнением, могут влиять на показатели экономического роста, относятся свободные выборы, подконтрольность исполнительной власти законодательной, разделение властей, а также принцип верховенства закона (rule of law). Политическая система, основанная на этих принципах, называется демократией. В XX в. вопрос о влиянии институтов демократии на параметры экономического роста был предметом нескольких десятков эмпирических исследований. Обобщенные результаты большинства из них представлены в табл. 1.

Таблица 1¹.

Результаты эмпирических исследований экономической эффективности альтернативных политических режимов

Автор(-ы)	Выборка	Период времени	Результат
Przeworski (1966)	57 стран	1949–1963	Диктатура на среднем уровне экономического развития растет быстрее
Adelman and Morris (1967)	74 слаборазвитых страны (включая коммунистический блок)	1950–1964	Для слабо- и среднеразвитых стран авторитарные режимы более эффективны
Dick (1974)	59 слаборазвитых стран	1959–1968	Демократические государства развиваются немного быстрее
Huntington and Dominguez (1975)	35 бедных стран	1950-е	Авторитарные государства развиваются быстрее
Marsh (1979)	98 стран	1955–1970	Авторитарные государства развиваются быстрее
Weede (1983)	124 страны	1960–1974	Авторитарные государства развиваются быстрее
Kormendi and Meguire (1985)	47 стран	1950–1977	Демократические государства развиваются быстрее
Kohli (1986)	10 слаборазвитых стран	1960–1982	Нет разницы в темпах роста в 1960-х гг.; авторитарные режимы немного эффективнее в 1970-х гг.
Landau (1986)	65 стран	1960–1980	Авторитарные государства развиваются быстрее

¹ Составлено по: Przeworski and Limongi (1993), Brunetti (1997), Barro (1996).

Автор(-ы)	Выборка	Период времени	Результат
Sloan and Tedin (1987)	20 латиноамериканских стран	1960–1979	Бюрократические авторитарные государства развиваются быстрее демократий, традиционные диктатуры – медленнее ²
Marsh (1988)	47 стран	1965–1984	Нет различия между режимами в темпах экономического роста
Pourgerami (1988)	92 страны	1965–1984	Демократические государства развиваются быстрее
Scully (1988)	115 стран	1960–1980	Демократические государства развиваются быстрее
Barro (1989)	72 страны	1960–1985	Демократические государства развиваются быстрее
Grier and Tullock (1989)	59 стран	1961–1980	Демократические режимы эффективнее в Африке и Латинской Америке; нет различия в темпах роста между режимами в Азии
Remmer (1990)	11 латиноамериканских стран	1982–1988	Демократические государства развиваются быстрее, но результат статистически незначимый
Pourgerami (1991)	106 слаборазвитых стран	1986	Демократические государства развиваются быстрее
Dasgupta (1990)	50 слаборазвитых стран	1973–1979	Демократические государства развиваются быстрее
World Bank (1990)	68 стран	1973–1987	Нет зависимости между типами политических режимов и темпами экономического роста
Levine and Renelt (1992)	83 страны	1974–1989	Нет статистически значимой зависимости между типами политических режимов и темпами экономического роста
Barro and Lee (1993)	94 страны	1973–1985	Нет зависимости между типами политических режимов и темпами экономического роста

² В бюрократических авторитарных государствах решения, принимаемые государственной властью, неподконтрольны гражданам, однако чиновники не имеют формальных прав (и имеют ограниченные реальные возможности) на присвоение доходов, получаемых от сбора налогов, в частности, речь идет о режимах советского типа. В традиционных диктатурах органы исполнительной власти (диктатор и его окружение) могут как принимать неподконтрольные обществу решения, так и присваивать налоговые поступления.

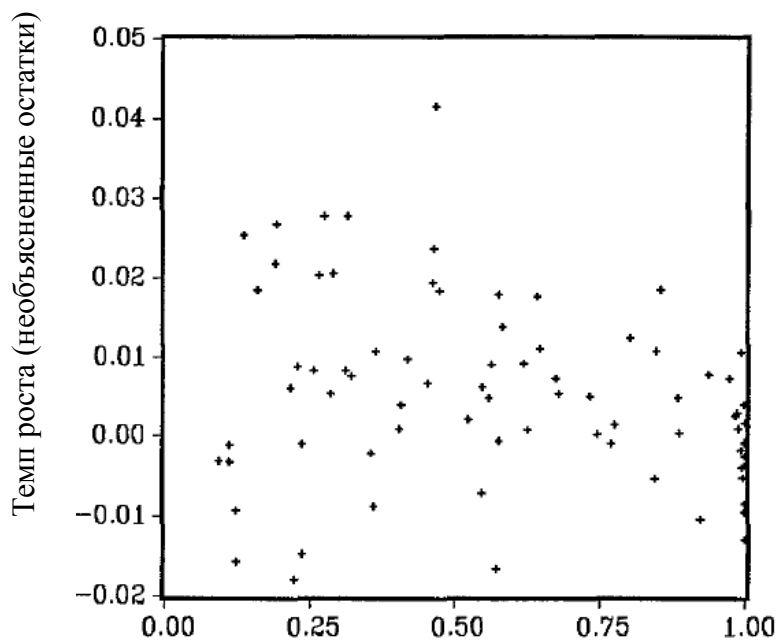
Автор(-ы)	Выборка	Период времени	Результат
Helliwell (1994)	90 стран	1960–1985	Демократия оказывает негативное, но статистически незначимое влияние на экономический рост
De Haan and Siermann (1995)	97 стран		Нет зависимости между типами политических режимов и темпами экономического роста
Alesina et al (1996)	98 стран	1960–1985	Нет зависимости между типами политических режимов и темпами экономического роста
Barro (1996)	89 стран	1960–1990	Развитие демократических институтов оказывает стимулирующее воздействие на экономический рост при низком уровне политической свободы. По мере расширения демократии данный эффект сокращается и становится отрицательным. В целом демократия оказывает слабое негативное влияние на экономический рост

Как видно из данной таблицы, влияние развития политических институтов на темпы экономического роста как минимум неоднозначно. Отсутствие согласия между рассматриваемыми в таблице исследованиями отчасти объясняется несовершенством применяемого статистического аппарата (в особенности это касается ранних работ). В частности, в большинстве исследований для анализа воздействия демократических институтов на темпы экономического роста использовался простой метод наименьших квадратов, который позволяет выявить наличие взаимосвязи между явлениями, но не может ответить на вопрос о причинно-следственных связях между ними. Иными словами, такие исследования не позволяют однозначно утверждать, что именно развитие демократии стимулирует (или, наоборот, дестимулирует) экономический рост, а не наоборот.

Кроме того, не все перечисленные исследования прошли анализ чувствительности: не все полученные значимые результаты не зависят от конкретной спецификации модели. Изменение состава объясняющих переменных может привести к тому, что результаты перестанут быть значимыми либо даже могут изменить знак полученного воздействия.

Наконец, не лишен недостатков используемый в большинстве работ для оценки уровня развития демократических институтов индекс Гастила, методология которого предусматривает ранжирование стран по шкале от 1 до 7 на базе экспертных оценок (от 0 до 4) по 25 вопросам, касающимся реализации в соответствующей стране политических прав и гражданских свобод. Для создания страновых отчетов используются материалы прессы, социологических опросов, а также данные неправительственных организаций и исследовательских центров. Иными словами, индекс Гастила представляет собой скорее сводный индекс субъек-

ективных оценок развития свободы и демократии в различных странах мира, поэтому он, как и любой индекс, основанный на субъективных оценках, не может быть идеальным.

Индекс демократии

Рис. 1. Индекс демократии и темпы экономического роста.

В целом, следует признать, что развитие демократических институтов если и оказывает какое-либо влияние на параметры экономического роста, то вряд ли оно может быть выражено простой линейной зависимостью. Кроме представленного выше обзора эмпирических работ, данное утверждение весьма наглядно иллюстрирует рис. 1, взятый из работы Varro (1996, p. 15).

На этом рис. по вертикальной оси отложены показатели экономического роста в разных странах мира, не объясненные другими переменными модели, достаточно традиционными для моделей такого рода (уровень экономического развития, уровень образования, уровень развития человеческого капитала и т.д.). По горизонтальной оси отложен индекс демократии, построенный на основе индекса Гастила: значение данного индекса изменяется от нуля (минимальный уровень демократических свобод) до единицы (максимальный уровень).

В двух последующих разделах мы попытаемся разобраться в причинах неоднозначности связи между демократией и экономическим ростом.

Почему демократия может отрицательно влиять на экономический рост?

Большинство аргументов противников демократического развития общества так или иначе связано с перераспределением доходов, которое вызывает расширение участия граждан в политических процессах.

Как известно, в демократическом обществе основная часть политических решений принимается простым большинством голосов, что означает фактическую власть медианного избирателя, то есть избирателя, для которого число индивидов в обществе, обладающих более левыми и более правыми по сравнению с ним взглядами, одинаково³.

Соответственно, чем беднее в обществе медианный избиратель, тем больший спрос он предъявляет на перераспределение в этом обществе доходов от богатых к бедным. Это перераспределение отрицательно влияет на экономический рост по ряду причин.

1. *Чем богаче индивид, тем выше у него, при прочих равных условиях, предельная склонность к сбережениям (доля сбережений в доходах), а следовательно, тем ниже в обществе совокупный размер сбережений – уровень аккумуляции капитала – и тем ниже соответственно инвестиции и темпы экономического роста.* Данный аргумент против относительно равномерного распределения доходов в обществе восходит к Никласу Калдору⁴.

По словам Карла де Швайница, который придерживался схожей с Калдором точки зрения по вопросу влияния равенства доходов на инвестиции и экономический рост, если профсоюзы и левые партии «успешно контролируют большую долю национального дохода и ограничивают свободу действий предпринимателей, они могут тем самым сократить отдачу от инвестиций настолько, что экономический рост станет невозможен»⁵.

2. *Чем беднее медианный избиратель в демократическом обществе, тем больше для богатых членов этого общества вероятность экспроприации.* Соответственно, тем меньше у экономических агентов стимулов к инвестициям: нет смысла инвестировать в собственность, которая в любой момент может быть отобрадена, причем абсолютно легальным путем⁶.

3. *Чем беднее медианный избиратель, тем больший спрос он предъявляет на перераспределение и тем выше уровень налогообложения.* Последнее обстоятельство приводит к росту потерь от мертвого груза. Подавляющее большинство реально применяемых налогов приводят к росту цен на товары и услуги, что вызывает сокращение спроса и соответственно сокращение общественного производства и благосостояния общества⁷.

Большинство эмпирических исследований влияния демократии на распределение доходов в обществе подтверждают приведенный вывод: она действительно сокращает неравенство в распределении доходов⁸. Хотя связь между этими двумя переменными может быть несколько более сложной. В частности, в работе Reuveny and Li (2003) оценивается влияние на уровень имущественного неравенства в обществе политических институтов демократии и

³ Ключевая для теории общественного выбора теорема о медианном избирателе в одной из своих слабых формулировок звучит следующим образом: «Общественный выбор – это выбор медианного избирателя в том случае, если решение принимается по правилу простого большинства». См.: Mueller (2003, Ch. 5).

⁴ См.: Kaldor (1956).

⁵ De Schweinitz (1959, p. 388); см. также Galenson (1959); Huntington (1968); Huntington and Dominguez (1975).

⁶ См.: Alesina and Perotti (1996).

⁷ См.: Alesina and Rodrik (1994); Bertola (1993); Persson and Tabellini (1994).

⁸ См.: Muller (1988); Moon (1991); Rodrik (1998). В работах Bollen and Jackman (1985), Deininger and Squire (1996) и Gasiorovski (1997) обнаруживается хотя и положительное, но статистически не значимое влияние демократизации на уровень неравенства в обществе.

открытости внешней торговли, так как хотя само по себе развитие демократии ведет к сокращению неравенства, оно также способствует открытости внешней торговли и притоку прямых иностранных инвестиций. Влияние двух последних факторов на распределение доходов в обществе не столь однозначно.

4. У диктатора, в отличие от демократических правителей, есть возможность искусственно ограничивать заработную плату наемных работников. Он может делать это либо непосредственно, либо облагая дополнительными, не оправданными с точки зрения теории оседлого бандита Олсона – МакГира (о ней речь пойдет ниже), налогами предпринимателей, что, естественно, отрицательно скажется на равновесном уровне заработной платы.

Таблица 2⁹.

Доля труда в стоимости конечного продукта и политические режимы

Год	Страна	Доля труда в стоимости конечного продукта	
		До перехода	После перехода
<i>А. Переход от демократии к автократии</i>			
1973	Чили	0,24	0,13
1980	Турция	0,38	0,25
1976	Аргентина	0,31	0,19
1964	Бразилия	0,26	0,19
	СРЕДНЕЕ	0,30	0,19
<i>В. Переход от автократии к демократии</i>			
1974	Греция	0,33	0,40
1974	Португалия	0,40	0,58
1975	Испания	0,51	0,58
1989	Чили	0,15	0,17
1989	Венгрия	0,35	0,42
1983	Турция	0,27	0,20
1983	Аргентина	0,19	0,20
1985	Бразилия	0,22	0,20
	СРЕДНЕЕ	0,30	0,34

Причинами такой политики диктатора могут быть как желание провести с минимальными издержками индустриализацию экономики (в этом случае диктатор фактически застав-

⁹ Rodrik (1999a, 724).

ляет наемных работников инвестировать в ее проведение)¹⁰, так и простое желание минимизировать издержки предприятий, находящихся в его непосредственной собственности, – сокращение равновесного уровня заработной платы сократит и его собственные издержки по найму рабочей силы¹¹.

Как показывает исследование Д. Родрика, развитие демократических институтов увеличивает среднюю заработную плату в промышленности, тогда как возврат к авторитаризму сокращает ее¹². Табл. 2 отражает изменения заработной платы промышленных рабочих в некоторых странах мира при переходе от авторитаризма к демократии и, наоборот, от демократии к авторитаризму. Доля труда в стоимости конечного продукта здесь – отношение заработной платы к совокупной добавленной стоимости.

Основной результат этого исследования: для стран с более высоким индексом демократии характерна большая заработная плата в промышленности (см. рис. 2).

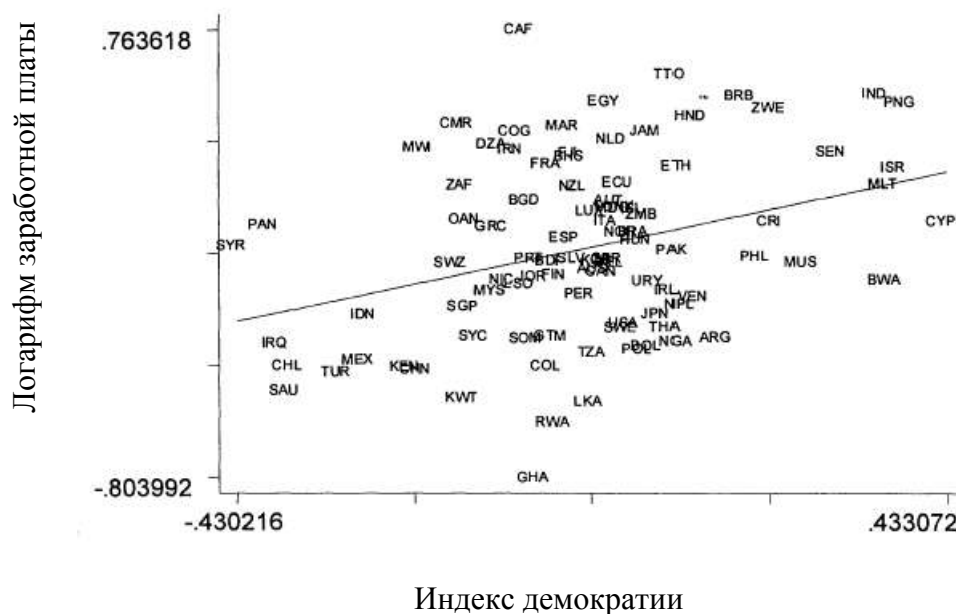

Рис. 2¹³. Индекс демократии и заработная плата в промышленности.

5. Демократия менее эффективна экономически по сравнению с авторитаризмом, так как демократическое государство в большей степени подвержено влиянию разного рода распределительных коалиций, заинтересованных не в максимизации общественного богатства, а в увеличении достигаемой им доли. Данный аргумент восходит к работе М. Олсона «Возвышение и упадок народов»¹⁴.

Иначе говоря, демократия в большей степени, чем сильная авторитарная власть, подвержена давлению со стороны групп специальных интересов, занимающихся поиском ренты.

¹⁰ См.: Schamis (1991).

¹¹ См.: Jeong (2000).

¹² См.: Rodrik (1999a).

¹³ Rodrik (1999a, 716).

¹⁴ См.: Olson (1982); см. также: Brittan (1975), Schmitter and Karl (1991).

Потери общественного благосостояния от поиска ренты связаны не только с возможностью получения или увеличения монопольной власти соискателей ренты, но и с потерей ресурсов, затрачиваемых непосредственно на эту деятельность. Речь здесь идет о показателе *размывания ренты* – отношении объема ресурсов, которые тратятся на поиск ренты, к величине самой ренты. Размер данного показателя зависит главным образом от числа соискателей ренты и от вида функции отдачи от инвестиций, направленных на поиск ренты. Естественно, чем больше размывается рента, тем выше ущерб для общественного благосостояния.

Стоит также заметить, что поиск ренты далеко не всегда связан с нарушением действующего законодательства. Более того, под этим термином, как правило, имеются в виду именно легальные действия, направленные на изменение формальных правил в свою пользу.

Мансур Олсон сравнил борьбу групп специальных интересов за получение ренты с физической борьбой двух людей внутри фарфоровой лавки за ее содержимое.

Классическими примерами успешного поиска ренты являются введение или повышение импортных пошлин, например, на ввоз подержанных автомобилей с целью поддержки отечественного производителя или ужесточение правил выдачи государственных лицензий, позволяющих заниматься какой-либо приносящей доход деятельностью – от торговли алкоголем до предоставления медицинских услуг.

В конечном итоге аргумент против демократии, связанный с поиском ренты, заключается в том, что конкуренция на политическом рынке приводит к большему размыванию ренты по сравнению с ситуацией, когда такая конкуренция отсутствует. Точно так же, как и большая конкуренция на рынке товаров и услуг способствует большему размыванию ренты¹⁵.

Надо сказать, что данный аргумент представляется наиболее слабым из всех аргументов против демократии, перечисленных в настоящем разделе. Прежде всего, нуждается в доказательстве утверждение, что рента в диктаторских режимах размывается меньше, чем в демократических государствах. Более того, так как диктатор испытывает серьезные информационные проблемы при управлении государством и проблема отношений принцепала и агента стоит для него более остро, поиск ренты в условиях диктатуры может принимать формы институциональной коррупции – ситуации, когда за рентой охотятся не предприниматели, а чиновники, чьей целью является изменение формальных правил так, чтобы максимизировать свои ожидаемые коррупционные доходы.

В работе Lambsdorff (2002) весьма убедительно показано, что потери общественного благосостояния от коррупции выше, чем от легального, не связанного с нарушением законодательства поиска ренты. А коэффициент корреляции между индексом восприятия коррупции и рейтингом уровня демократии очень высок ($-0,812$)¹⁶.

Эмпирический анализ связи между коррупцией, демократией и экономическим ростом содержится в работе Drury, Krieckhaus and Lusztig (2006). Здесь на основе анализа временных рядов по 100 странам с 1982 по 1997 г. делается вывод о том, что коррупция не ока-

¹⁵ См.: Becker (1983).

¹⁶ См.: Сатаров и Пархоменко (2001).

зывает влияния на экономический рост в демократических странах, но является серьезным препятствием для роста экономики в странах недемократических.

6. *Так как демократические правители выбираются раз в несколько лет, у них короткий горизонт планирования.* Иными словами, демократически избранным руководителям нет смысла думать о будущем, которое наступит после окончания срока их полномочий, поэтому они реализуют экономическую политику, направленную на максимизацию благосостояния общества в коротком периоде, но вряд ли способствующую долгосрочному экономическому росту. Данный тезис отчасти подтверждает исследование Gasiorowsky (2000), которое выявляет, что для развивающихся стран с большим уровнем развития демократических институтов характерен более высокий уровень инфляции по сравнению с менее демократическими развивающимися странами. Данный факт объясняется большим уровнем бюджетного дефицита и более высокой заработной платой в промышленности в демократических развивающихся странах¹⁷.

Учитывая, что, как мы увидим ниже, демократические режимы демонстрируют значительно большую по сравнению с диктатурами способность к выживанию в кризисных условиях – они лучше умеют перестраиваться, приспосабливаться к изменяющейся конъюнктуре – данный аргумент, как и предыдущий, вряд ли можно признать достаточно обоснованным.

Кроме того, развитие демократических институтов, таких как: разделение властей, свобода прессы, независимость центрального банка и т.д., является встроенным естественным регулятором системы, препятствующим реализации демократически избранными правителями близорукой экономической политики. Последнее, правда, касается главным образом стран развитой, а не развивающейся демократии.

7. *Партиям и движениям, борющимся за власть в демократической политической системе, может быть невыгодно проводить какие-то непопулярные, но эффективные в долгосрочном плане меры, находясь у власти, а также четко озвучивать свою позицию по целому ряду вопросов в ходе избирательной кампании.* Иначе говоря, речь здесь идет о большей привлекательности для политиков побудительной рекламной кампании по сравнению с информативной: если, например, политик правой ориентации четко скажет своим избирателям, что он собирается сокращать расходы бюджета и социальные выплаты, он тем самым отпугнет часть своих потенциальных сторонников, поддерживающих его по другим вопросам, но заинтересованных в получении соответствующих выплат. Учитывая, что аналогично могут вести себя все конкурирующие политики, в демократических странах могут возникать так называемые «зоны бездействия» (inaction zones) – круг актуальных для общества экономических проблем, не озвучиваемых ведущими политическими силами и соответственно никак не решаемых. Данный парадокс был впервые описан в работе Howitt and Wintrobe (1995). По их мнению, именно появление такой зоны бездействия в Веймарской республике конца 1920-х г.г. привело в конечном итоге к власти Гитлера.

¹⁷

См. также: Alesina (1992).

Почему демократия может способствовать экономическому росту?

Большинство аргументов в пользу демократии как эффективного способа управления обществом, способствующего экономическому росту, сводятся к преимуществам демократии в производстве общественных благ, которые связаны, во-первых, с различиями в стимулах между диктатором и демократически избранной и подотчетной народу властью и, во-вторых, с различиями в эффективности государственного управления между двумя режимами.

1. *Автократ будет производить меньше общественных благ по сравнению с демократическим правителем, так как его цель – максимизация ренты, т.е. разницы между его доходами, получаемыми от налогообложения граждан и расходами на производство общественных благ, в первую очередь защиты прав собственности. В то же время демократический правитель заинтересован в максимизации общественного благосостояния, поэтому в демократическом обществе все полученные от налогообложения средства, за вычетом транзакционных издержек, направляются на производство общественных благ*¹⁸.

Данный аргумент впервые в явном виде появляется в работе McGuire and Olson (1996). Здесь авторы с помощью формальной модели убедительно демонстрируют, что размер присваиваемой правителем ренты постепенно сокращается, а объем производства общественных благ, наоборот, увеличивается по мере увеличения числа индивидов, участвующих в принятии государственных решений (т.е., по мере трансформации авторитарного режима в режим консенсусной демократии, в котором все составляющие общество индивиды участвуют в принятии решений, касающихся ставок налогообложения и объема производства общественных благ)¹⁹.

Эмпирическое подтверждение данного тезиса можно найти в работах Lake and Baum (2001) и Baum and Lake (2003), где демонстрируется, во-первых, что демократические политические режимы предоставляют в большем по сравнению с диктатурами объеме общественные блага, в частности это касается образования и охраны здоровья населения²⁰. Во-вторых, демократия способствует экономическому росту опосредованно: изменяя жизненные ожидания (что более характерно для беднейших стран) и увеличивая число людей со средним образованием (что более важно для стран, находящихся на среднем уровне развития), она способствует развитию человеческого капитала.²¹

¹⁸ Здесь мы говорим об общественных благах не в традиционном, а в широком смысле этого слова. Под общественным благом, например, можно понимать в том числе разного рода социальные выплаты и трансферты: они сокращают уровень неопределенности, а следовательно, увеличивают общественное благосостояние.

¹⁹ См. также: Olson (1993), Wintrobe (1998), Findlay and Wilson (1984).

²⁰ В частности, в работе Lake and Baum (2001) приводятся такие факты: переход от военной диктатуры к демократии в Аргентине в начале 1970-х гг. привел к резкому улучшению водоснабжения сельских районов (число сельских жителей, обеспеченных «безопасной» водой, выросло с 12 до 26%), после военного переворота 1976 г. обеспеченность питьевой водой сельских районов снова сократилась (до 17%); демократизация в Греции привела к сокращению уровня детской смертности с 34 человек на 1000 родившихся в 1972 г. до 25 человек на 1000 родившихся в 1977 г.; военный переворот в Нигерии в 1983 г. привел к сокращению доли детей, посещающих школу, с 81 до 72% и к резкому падению числа детей в возрасте до 1 года, привитых от дифтерии, коклюша и столбняка (с 20 до 9%).

²¹ См. также работы Zweifel and Navia (2000) и Navia and Zweifel (2003), в которых доказывается, что развитие демократии сокращает уровень детской смертности: в демократических странах детская смертность ниже по сравнению с диктаторскими режимами с тем же уровнем доходов на душу населения.

2. *Демократические институты, такие как разделение властей и выборы, позволяющие гражданам регулярно менять власть, дают возможность демократическим правителям давать своим подданным гарантии (достоверные обещания) того, что они не будут проводить хищническую политику, т.е., вести себя как бандиты-гастролеры, в терминологии М. Олсона. Такие гарантии стимулируют инвестиционную активность граждан и, как следствие, экономический рост.* Данный аргумент был предложен в работе North and Weingast (1989), в которой авторы анализируют институциональные изменения, произошедшие в Англии после Славной Революции 1688 г.

Важный вопрос здесь: почему автократы вопреки теории МакГиры – Олсона могут предпочесть краткосрочную стратегию поведения долгосрочной и вести себя хищнически по отношению к своим подданным? Может существовать несколько возможных причин такого поведения диктаторов.

Во-первых, диктатор может быть недостаточно хорошо осведомлен о реальном положении дел. Именно этим обстоятельством, в частности, объясняется (по крайней мере отчасти) грабительская политика сталинской власти по отношению к крестьянам, приведшая к массовому голоду на Украине и в других регионах²².

Во-вторых, диктатор может быть не уверен в своем будущем из-за относительной неустойчивости диктаторских режимов, речь о которой пойдет в следующем разделе, или из-за отсутствия, как это бывает в большинстве случаев, легитимного механизма передачи власти преемнику.

В-третьих, диктаторские режимы при определенных условиях могут счесть для себя выгодным ведение военных действий против соседних государств. В этом случае, как продемонстрировано в работе Wilke (2002), уровень налогообложения диктатором своих подданных превысит оптимальный для оседлого бандита (в соответствии с выводами МакГиры – Олсона) уровень. Здесь стоит заметить, что демократические государства практически не воюют друг с другом²³.

В-четвертых, если, как это часто бывает в развивающихся странах, диктатор не только собирает налоги с подданных, но и получает прибыль от находящихся в его собственности компаний, оптимальный для него уровень налогообложения также превысит оптимальный уровень для автократа по МакГиру – Олсону. Дело в том, что излишнее налогообложение предпринимателей сокращает равновесный уровень заработной платы наемных работников (фактически предприниматели перекалывают на них часть излишнего налогового бремени), а следовательно, сокращает собственные расходы автократа: ему как владельцу предприятий приходится меньше платить за нанимаемую рабочую силу.

3. *Политическая конкуренция увеличивает производительность труда за счет стимулирования инноваций и распространения лучших практик.* В конкурентной политической

²² См. письмо Кагановича Сталину от 12.07.1932, касающееся инициативы кандидата в члены политбюро Г.И. Петровского по снижению плана по хлебозаготовкам, – Грегори (2006, 209).

²³ См.: Doyle (1986), Russett and Oneal (2001).

системе более вероятно, что лучшие технологические, технические и организационные идеи во-первых, появятся, а во-вторых, найдут практическое применение²⁴.

Фактически данный аргумент в пользу демократии не является самостоятельным аргументом: инновации и распространение лучших результатов достигаются за счет развития человеческого капитала (однако, демократические государства, как мы отметили выше, способствуют повышению среднего уровня образования граждан) и устранения административных барьеров для бизнеса и как правило, обладают более эффективным механизмом управления (о чем речь пойдет ниже). Кроме того, здесь нельзя не сказать об идеологии конкуренции, характерной для стран с богатыми демократическими традициями: фактически, такая идеология легитимизирует поиск и отбор лучших вариантов, способствует развитию предпринимательства и, как следствие, экономическому росту²⁵.

4. Демократические правительства демонстрируют более высокое качество государственного управления по сравнению с авторитарными правителями, что оказывает положительное влияние на параметры экономического роста.

Меньшая эффективность государственного управления в условиях диктатуры так или иначе связана с большей остротой проблемы отношений принципала и агента в диктаторских режимах по сравнению с демократиями. Прежде всего, диктатор всегда испытывает серьезные информационные проблемы, которых нет у демократических руководителей: в демократических обществах руководитель может получать необходимую для эффективного управления государством информацию из многочисленных независимых источников (свободная пресса, гражданское общество, оппозиция и т.д.), которых нет в диктаторских режимах. Фактически диктатор находится в информационном вакууме, что никак не может способствовать улучшению работы государственного аппарата²⁶. Соответственно, главной задачей агентов диктатора в таких условиях будет не повышение эффективности работы, а предоставление ему «свидетельств» этой эффективности, что, разумеется, не одно и то же.

Кроме того, как показал теоретический анализ, сделанный в работе Egorov and Sonin (2006), для того чтобы минимизировать вероятность государственного переворота, диктатор предпочтет пожертвовать компетентностью своих агентов в пользу лояльности. Иначе говоря, главным качеством подчиненных, которое интересует диктатора, является не их высокая профессиональная квалификация, а личная преданность, что тоже не может способствовать повышению качества государственного управления в условиях диктатуры.

Начиная с 1999 г. группа исследователей Всемирного банка во главе с Д. Кауфманом занимается проектом «Всемирные индикаторы государственного управления» (Worldwide Governance Indicators), цель которого – оценить качество государственного управления в различных странах мира и его влияние на показатели социально-экономического развития²⁷.

²⁴ См.: Wittman (1989), Mokyr (1990).

²⁵ См.: Шумпетер (1995); Dahl (1971).

²⁶ См.: Wintrobe (1998).

²⁷ См.: Kaufmann, Kraay and Zoido-Lobaton (1999; 2002); Kaufmann, Kraay and Mastruzzi (2003; 2005; 2006; 2007).

Качество государственного управления оценивается исследователями по шести кластерам, каждый из которых представляет собой метаоценку качества государственного управления по соответствующему направлению деятельности правительства. Каждая такая оценка по каждой стране (в последней, шестой версии проекта стран уже 211) получена путем агрегирования данных из нескольких независимых источников.

Индикатор «Голосование и подотчетность» отражает, насколько граждане страны могут влиять на власть. Первоисточники данного индикатора измеряют политические права граждан в разных странах, гражданские свободы, честность и открытость выборов, свободу прессы, свободу собраний и политических объединений и т.д. Индикатор «Политическая стабильность» включает в себя такие показатели, как риск государственного переворота, политический терроризм, гражданские войны, частота политических убийств, применение пыток и т.д. Индикатор «Эффективность правительства» агрегирует такие показатели, как качество государственной бюрократии, стабильность правительства, удовлетворенность граждан транспортной и образовательной системами, качество государственных образовательных учреждений, качество инфраструктуры и т.д. Индикатор «Качество регулирования» включает в себя показатели государственного регулирования экспортных и импортных операций, контроль цен правительством, практику нечестной конкуренции, сложность и эффективность налоговой системы и т.д. Первоисточники индикатора «Верховенство закона» измеряют уровень преступности, масштабы организованной преступности и ее вовлеченность в легальный бизнес, качество работы полиции, независимость судов, честность и быстроту судебных процессов и т.д. Наконец, последний, шестой индикатор – «Контроль над коррупцией» – агрегирует показатели, измеряющие уровень коррупции в стране.

В принципе как минимум два из перечисленных индикаторов («Голосование и подотчетность» и «Верховенство закона») оценивают не столько качество работы правительства (исполнительной власти), сколько демократичность политической системы и подотчетность гражданам политической власти. В то же время такие показатели, как «Эффективность правительства» и «Качество регулирования» (к индикатору «Контроль над коррупцией» мы вернемся немного позже в данном разделе), измеряют именно эффективность работы, в первую очередь исполнительной власти.

Табл. 3 содержит коэффициенты корреляции Пирсона между всеми шестью агрегированными показателями. Как следует из данной таблицы, значения этих коэффициентов между индексами первого (отражающими качество политической системы) и второго (оценивающими качество работы исполнительной власти) типов достаточно высоки (интересующие нас здесь коэффициенты корреляции выделены в табл. 3 жирным шрифтом).

Коэффициенты корреляции между индикаторами государственного управления.

	Голосование и подотчетность	Политическая стабильность	Эффективность правительства	Качество регулирования	Верховенство закона	Контроль над коррупцией
Голосование и подотчетность	1,0					
Политическая стабильность	0,714453	1,0				
Эффективность правительства	0,796123	0,705928	1,0			
Качество регулирования	0,820955	0,680952	0,950397	1,0		
Верховенство закона	0,817393	0,806008	0,922580	0,897338	1,0	
Контроль над коррупцией	0,794248	0,738711	0,943055	0,886843	0,947204	1,0

Иными словами, на основании данных проекта «Всемирные индикаторы государственного управления» можно с большей долей уверенности утверждать, что качество политических институтов и эффективность работы исполнительной власти достаточно тесно связаны друг с другом. На основании только этих данных, однако, невозможно сделать однозначное заключение о характере причинно-следственной связи между этими параметрами.

5. *Диктатура менее эффективна по сравнению с демократией, потому что она в большей степени страдает от коррупции чиновников государственного аппарата.* Теоретическая аргументация в пользу этого утверждения аналогична аргументации предыдущего пункта: у диктатора меньше инструментов контроля за чиновниками по сравнению с демократическим правителем, поэтому государственный аппарат в диктаторском режиме будет более коррумпирован.

Кроме того, в нескольких теоретических работах доказывается, что при определенных, весьма реалистичных, условиях оптимальной стратегией для принцепала будет лояльное отношение к коррумпированности агентов²⁹. Причем во всех работах такого рода поведение принцепала моделируется именно как поведение диктатора. Иными словами, у принцепала отсутствуют какие-либо внешние ограничители поведения.

²⁸ Посчитано по данным сайта www.govindicators.org. Коэффициент корреляции Пирсона – безразмерный индекс в интервале от -1,0 до 1,0 включительно, который отражает степень линейной зависимости между двумя

множествами данных. Он рассчитывается как:
$$r = \frac{\sum (x - \bar{x})(y - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x - \bar{x})^2 \sum (y - \bar{y})^2}}$$
, где \bar{x} и \bar{y} – средние значения

соответствующих выборок.

²⁹ См., в частности: Eskeland and Thiele (1999); Mookherjee and Png (1995); Waller, Verdier and Gardner (2002).

Как мы можем видеть в табл. 3, коэффициент корреляции Пирсона между показателями «Голосование и подотчетность» и «Верховенство закона», с одной стороны, и показателем «Контроль над коррупцией», с другой стороны, достаточно высок, что свидетельствует в пользу изложенного здесь аргумента.

Кроме того, исследование Rivera-Batiz (2002) подтверждает данное положение эмпирически. Проведенный здесь анализ перекрестных данных 1960–1990-х гг. демонстрирует, что демократия действительно способствует экономическому росту, но только в том случае, если она повышает качество государственного управления и сокращает уровень коррупции³⁰.

Демократия, диктатура и устойчивое развитие

Хотя рассмотренные нами выше эмпирические исследования не дают окончательного и однозначного ответа на вопрос о том, какой из двух политических режимов – демократия или диктатура – экономически эффективнее, мы можем с полной уверенностью утверждать, что демократические общества демонстрируют, во-первых, меньший разброс в темпах экономического роста, то есть дисперсия темпов роста для демократий значительно ниже, чем для диктатур, о чем наглядно свидетельствуют рис. 4. и табл. 4. В последней представлены по пятнадцать стран, продемонстрировавших с 1960 по 1990 г. наилучшие и наихудшие показатели экономического роста. Как видно из табл. 4, как среди наилучших, так и среди наихудших по темпам роста стран только две страны с индексом развития демократии, превышающим 0,5³¹.

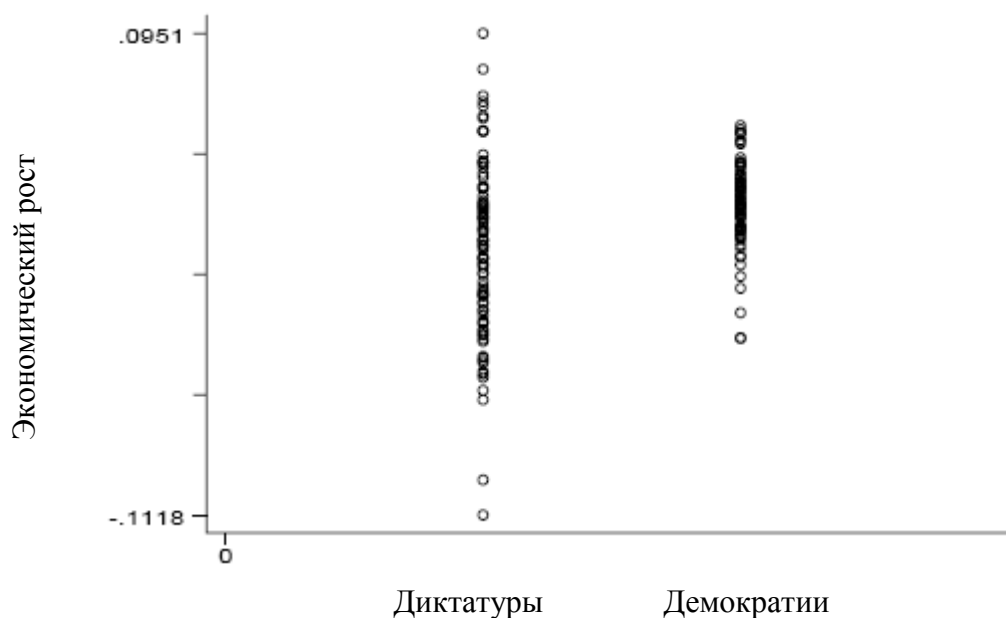

Рис. 4³². Политические системы и дисперсия темпов экономического роста.

Во-вторых, для демократических государств свойственна бóльшая по сравнению с диктаторскими режимами устойчивость основных макроэкономических показателей. Иными

³⁰ См. также: Chong and Calderón (2000); Bohara, Mitchell and Mittendorf (2004).

³¹ В табл. 4 индекс демократии – это не индекс Гастила, а показатель, взятый из базы данных Polity III. Данный индекс изменяется от 0 (полное отсутствие демократических свобод) до 10. См.: Jagers and Gurr (1995). Данные о темпах экономического роста взяты из работы Barro and Lee (1994).

³² См.: Almeida and Ferreira (2002, 232).

словами, демократии лучше справляются с краткосрочными шоками и демонстрируют более устойчивый долгосрочный рост. Данные выводы подтверждаются всеми проведенными исследованиями.³³

Существует несколько теоретических аргументов, объясняющих, почему экономический рост в демократических режимах более стабилен, а разброс в его темпах между демократическими государствами относительно невелик по сравнению с диктатурами.

1. Все люди обладают разными способностями, в том числе, разными способностями к получению и обработке информации, необходимой для принятия верных решений. Так как государственные решения в демократиях принимаются коллегиально, эти политические режимы, по закону больших чисел, меньше зависят от индивидуальных качеств формального лидера (президента или премьер-министра). То есть для демократических государств характерна меньшая вероятность принятия как катастрофически ошибочных, так и гениальных решений по сравнению с диктаторскими режимами, в которых решения принимает фактически один человек: диктатор. Последний с относительно большой вероятностью может принять как самое лучшее, так и самое худшее из возможных решений, что и отражается в нестабильности и большой дисперсии макроэкономических показателей диктаторских режимов³⁴.

Таблица 4³⁵.

Максимальные и минимальные темпы экономического роста в XX веке.

Страна – годы	Темпы роста	Индекс демократии
Максимальные темпы роста		
Уганда, 1985–1990	0,1654	0,0
Руанда 1965–1970	0,1235	1,0
Лесото 1970–1975	0,1208	0,0
Кабо-Верде, 1975–1980	0,1117	2,0
Иордания, 1975–1980	0,1098	0,0
Кипр, 1975–1980	0,1026	10,0
Сингапур, 1965–1970	0,1020	2,0
Япония, 1965–1970	0,1009	10,0
Южная Корея, 1965–1970	0,0969	1,0
Сирия, 1970–1975	0,0951	0,0
Южная Корея, 1985–1990	0,0937	4,8
Сингапур, 1970–1975	0,0926	2,0
Йемен, 1970–1975	0,0925	0,0
Габон, 1970–1975	0,0917	0,0
Польша, 1970–1975	0,0901	0,0
Минимальные темпы роста		
Ирак, 1980–1985	–0,1118	0,0
Гвинея-Бисау, 1975–1980	–0,1024	0,0

³³ См., в частности: Rodrik (2000a; 2000b), Almeida and Ferreira (2002), Quinn and Woolley (2001).

³⁴ См. Sah (1991); Sah and Stiglitz (1991). Фактически рассмотренный здесь аргумент восходит к теореме о присяжных Кондорсе: если какое-либо решение принимается коллегиально n индивидами, вероятность принятия верного решения каждым из которых превышает 0,5, то вероятность принятия верного решения всей группой по правилу простого большинства увеличивается с увеличением n . Кроме того, она в любом случае будет выше, чем вероятность принятия верного решения средним членом группы.

³⁵ См.: Almeida and Ferreira (2002, 253).

Ангола, 1970–1975	–0,0968	1,1
Бурунди, 1960–1965	–0,0957	2,0
Ирак, 1975–1980	–0,0945	0,0
Гайана, 1980–1985	–0,0924	0,0
Руанда, 1960–1965	–0,0844	1,0
Суринам, 1985–1990	–0,0826	4,6
Гамбия, 1980–1985	–0,0720	9,2
Иран, 1985–1990	–0,0693	0,0
Нигерия, 1980–1985	–0,0665	6,4
Свазиленд, 1980–1985	–0,0662	0,0
Уганда, 1975–1980	–0,0624	0,0
Никарагуа, 1975–1980	–0,0611	0,0
Панама, 1985–1990	–0,0603	0,0

В рассматриваемом контексте стоит обратить внимание на еще одно немаловажное обстоятельство: даже если диктатор захочет переложить часть решений на своих чиновников, последние не захотят брать на себя ответственность и будут стараться всячески уклониться от участия в принятии государственных решений. Множество подтверждений этого факта можно найти в книге П. Грегори «Политическая экономия сталинизма»: сталинское Политбюро всячески стремилось уклониться от необходимости принимать даже не очень важные решения без Сталина³⁶.

2. Распределительные конфликты могут приводить к усилению отрицательного воздействия на экономику внешних шоков. Иными словами, если общество состоит из множества групп с различными (иногда прямо противоположными) интересами, экзогенные экономические потрясения, например финансовые кризисы или кризисы внешней торговли, могут приводить к увеличению распределительной активности этих групп. Фактически речь идет о проблеме безбилетника: вместо того чтобы заботиться об общем благе – выходе из кризиса и смягчении его последствий, – распределительные коалиции будут стремиться решить возникшую проблему только для себя, за счет интересов других групп. Для того чтобы этого не произошло, необходимо, чтобы у общества имелись развитые институты решения распределительных конфликтов. Такие институты, как правило, имеются в демократических обществах (главной особенностью которых являются многочисленные, обладающие большим влиянием представительные органы), но отсутствуют в диктатурах. Поэтому последние больше страдают от внешних потрясений³⁷.

3. Демократические общества обладают эффективным инструментом исправления ошибок, допущенных в экономической политике: демократические правители, допустившие экономические потрясения, могут быть отстранены от власти с относительно небольшими издержками для общества и граждан. Тогда как для отстранения от власти диктатора, как правило, необходимы более затратные для организаторов и участников меры: революции или государственные перевороты. Данное обстоятельство (высокая вероятность отстранения от власти в случае возникновения кризисов) побуждает демократических правителей проводить более осторожную по сравнению с диктаторами экономическую политику.

³⁶ См.: Gregory (2004).

³⁷ См.: Rodrik (1999b).

Кроме того, подавляющее большинство индивидов, как известно, несклонны к риску, поэтому авантурные действия в экономике, даже не приведшие к отрицательным последствиям, являются для них антиблагом. Соответственно, вероятность лишиться власти у демократических правителей, склонных к экономическим авантюрам, будет выше чем у их более осторожных коллег³⁸.

Заключение: механизмы воздействия политических институтов на экономический рост

Все сказанное выше свидетельствует о том, что политические институты оказывают важное, даже определяющее воздействие на экономическое развитие общества, поскольку они структурируют институциональную среду и создают для индивидов стимулы к предложению различных факторов производства, специализации и осуществлению инноваций. Политическая конкуренция оказывает систематическое влияние на различные составляющие неоклассической модели экономического роста: аккумуляцию труда и капитала, аккумуляцию человеческого капитала и производительность. Однако влияние, оказываемое демократическими политическими институтами на перечисленные составляющие экономического роста, не однозначно.

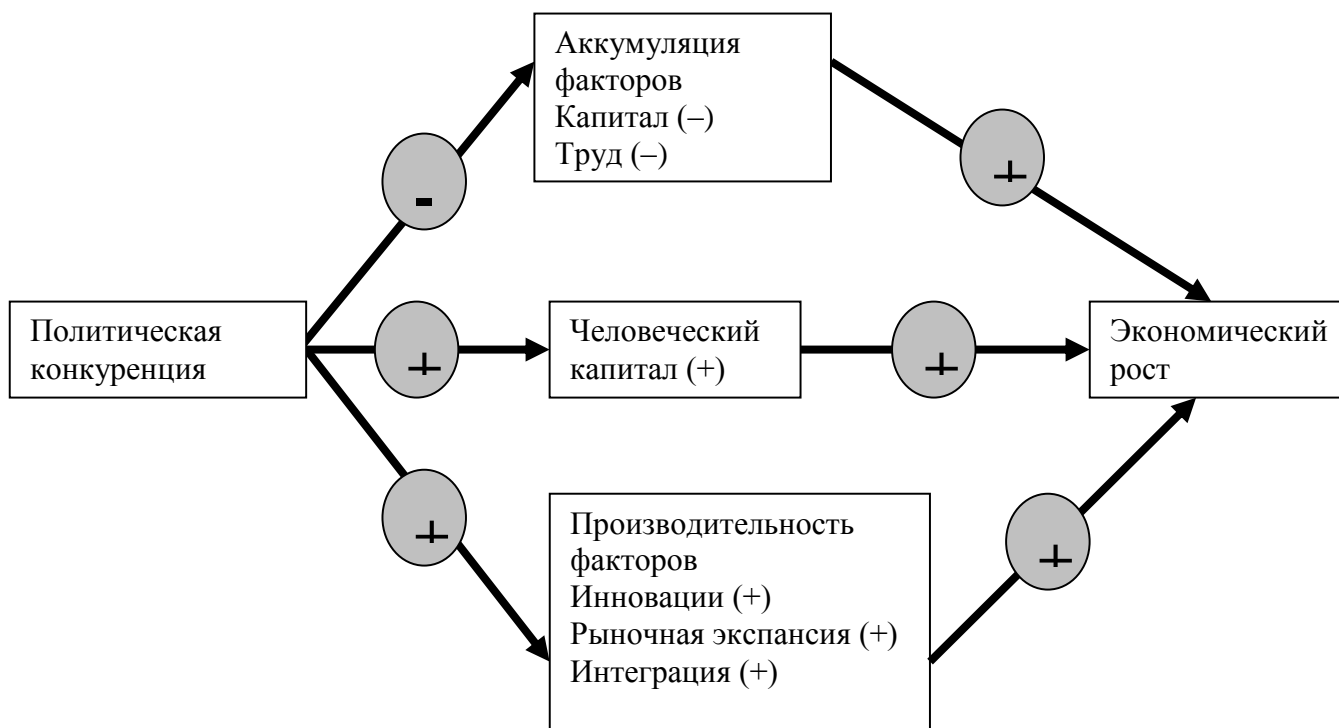

Рис. 5³⁹. Каналы влияния политической конкуренции на экономический рост.

Как можно заключить из настоящего обзора, политическая конкуренция и развитие демократических институтов оказывают отрицательное воздействие на аккумуляцию труда и капитала, так как у диктатора есть возможность заставить подданных работать за относительно низкую заработную плату. В то же время политическая конкуренция стимулирует развитие человеческого капитала (за счет большего объема производства и увеличения каче-

³⁸ См.: Quinn and Woolley (2001).

³⁹ См.: Pinto and Timmons (2005, 28).

ства общественных благ и изменения жизненных ожиданий граждан) и увеличивает общую производительность факторов (за счет создания лучших стимулов к осуществлению инноваций и сокращения административной нагрузки на бизнес и граждан).

Описанная здесь логика воздействия демократических политических институтов на параметры экономического роста схематически представлена на рис. 5.

Эмпирическое тестирование данной гипотезы, проведенное в работе Pinto and Timmons (2005), подтвердило ее состоятельность: политическая конкуренция действительно стимулирует развитие человеческого капитала и увеличивает производительность факторов, но сокращает аккумуляцию труда и капитала. Таким образом, мы можем сделать вывод, что развитие демократических политических институтов способствует качественному изменению показателей экономического роста: для демократий характерен интенсивный экономический рост, а для диктаторских режимов – экстенсивный.

Список литературы

1. Сатаров Г., Пархоменко С. *Разнообразие стран и разнообразие коррупции (анализ сравнительных исследований)*. – М.: ИНДЕМ, 2001.
2. Adelman, Irma and Cynthia Morris (1967), *Society, Politics, and Economic Development*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
3. Alesina, Alberto (1992), *Political Models of Macroeconomic Policy and Fiscal Reforms*, Washington, DC: Country Economic Department, World Bank.
4. Alesina, Alberto and Dani Rodrik (1994), 'Distributive Politics and Economic Growth', **109(2)** *Quarterly Journal of Economics*, 465–490.
5. Alesina, Alberto and Roberto Perotti (1996), 'Income Distribution, Political Instability, and Investment', **40(6)** *European Economic Review*, 1203–1228.
6. Alesina, Alberto, Sule Oezler, Nouriel Roubini, and Phillip Swagel (1996), 'Political Instability and Economic Growth', **1(2)** *Journal of Economic Growth*, 189–211.
7. Almeida, Heitor and Daniel Ferreira (2002), 'Democracy and the Variability of Economic Performance', **14(3)** *Economics and Politics*, 225–257.
8. Barro, Robert J. (1989), 'A Cross-Country Study of Growth, Saving, and Government', *NBER Working Paper*, No 2855.
9. Barro, Robert J. (1996), 'Democracy and Growth', **1(1)** *Journal of Economic Growth*, 1–27.
10. Barro, Robert J. and Jong-Wha Lee (1993), 'Losers and Winners in Economic Growth', *NBER Working Paper*, No 4341.
11. Barro, Robert J. and Jong-Wha Lee (1994), 'Sources of Economic Growth', **40(1)** *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, 1–46.
12. Baum, Matthew A. and David A. Lake (2003), 'The Political Economy of Growth: Democracy and Human Capital', **47(2)** *American Journal of Political Science*, 333–347.
13. Becker, Gary S. (1983), 'A Theory of Competition among Pressure Groups for Political Influence', **98(3)** *Quarterly Journal of Economics*, 371–400.

14. Bertola, Giuseppe (1993), 'Market Structure and Income Distribution in Endogenous Growth Models', **83(5)** *American Economic Review*, 1184–1198.
15. Bohara, Alok K., Neil J. Mitchell, and Carl F. Mittendorf (2004), 'Compound Democracy and the Control of Corruption: A Cross-Country Investigation', **32(4)** *Policy Studies Journal*, 481–499.
16. Bollen, Kenneth A., and Robert W. Jackman (1985), 'Political Democracy and the Size Distribution of Income', **50(4)** *American Sociological Review*, 438–457.
17. Brittan, Samuel (1975), 'The Economic Contradictions of Democracy', **5(1)** *British Journal of Political Science*, 129–160.
18. Brunetti, Aymo (1997), 'Political Variables in Cross-Country Growth Analysis', **11(2)** *Journal of Economic Surveys*, 163–190.
19. Chong, Alberto and César Calderón (2000), 'Causality and Feedback between Institutional Measures and Economic Growth', **12(1)** *Economics and Politics*, 69–81.
20. Dahl, Robert A. (1971), *Polyarchy*, New Haven, CT: Yale University Press.
21. Dasgupta, Partha (1990), 'Well-Being and the Extent of its Realisation in Poor Countries', **100(400)** *Economic Journal*, 1–32.
22. De Haan, Jakob and Clemens L. J. Siermann (1995), 'A Sensitivity Analysis of the Impact of Democracy on Economic Growth', **20(2)** *Empirical Economics*, 197–215.
23. De Schweinitz, Karl Jr. (1959), 'Industrialization, Labor Controls and Democracy', **7(2)** *Economic Development and Cultural Change*, 385–404.
24. Deininger, Klaus, and Lyn Squire (1996), 'A New Data Set Measuring Income Inequality', **10 (3)** *World Bank Economic Review*, 565–591.
25. Dick, William G. (1974), 'Authoritarian versus Nonauthoritarian Approaches to Economic Development', **82(4)** *Journal of Political Economy*, 817–827.
26. Doyle, Michael W. (1986), 'Liberalism and World Politics', **80(4)** *American Political Science Review*, 1151–1169.
27. Drury, A. Cooper, Jonathan Kriekhaus, and Michael Lusztig (2006), 'Corruption, Democracy, and Economic Growth', **27(2)** *International Political Science Review*, 121–136.
28. Egorov, Georgy and Konstantin Sonin (2006), 'Dictators and their Viziers: Endogenizing the Loyalty-Competence Trade-off', *CEPR discussion paper*.
29. Eskeland, Gunnar S. and Henrik Thiele (1999), 'Corruption under Moral Hazard', *World Bank Policy Research Working Paper*, WPS 2204.
30. Findlay, Ronald and John D. Wilson (1984), 'The Political Economy of the Leviathan', *Institute of International Studies*, Stockholm, Seminar Paper No 285.
31. Galenson, Walter (1959), 'Introduction', to Galenson, W. (ed.), *Labor and Economic Development*, New York: Wiley.
32. Gasiorowski, Mark J. (1997), 'Political Regimes and Industrial Wages: A Cross-National Analysis', In M. Midlarski (Ed.), *Inequality, Democracy and Economic Development*, Cambridge, UK: Cambridge University Press, 244–267.

33. Gasiorowski, Mark J. (2000), 'Democracy and Macroeconomic Performance in Underdeveloped Countries: An Empirical Analysis', **33(3)** *Comparative Political Studies*, 319–349.
34. Gregory, Paul R. (2004), *The Political Economy of Stalinism: Evidence from the Soviet Secret Archive*, Cambridge, MA: Cambridge University Press (русский перевод: Грегори П. (2006), *Политическая экономия сталинизма*, М.: РОС-СПЭН).
35. Grier, Kevin B. and Gordon Tullock (1989), 'An Empirical Analysis of Cross-National Economic Growth, 1951–1980', **24(2)** *Journal of Monetary Economics*, 259–276.
36. Helliwell, John F. (1994), 'Empirical Linkages between Democracy and Economic Growth', *NBER Working Paper*, No 4066.
37. Howitt, Peter and Ronald Wintrobe (1995), 'The Political Economy of Inaction', **56(3)** *Journal of Public Economics*, 329–353.
38. Huntington, Samuel P. (1968), *Political Order in Changing Societies*, New Haven: Yale University Press.
39. Huntington, Samuel P. and Jorge I. Domínguez (1975), 'Political Development', in F.I. Greenstein and N.W. Polsby (eds.), *Handbook of Political Science 3*, Reading: Addison-Wesley, 1–114.
40. Jagers, Keith and Ted Robert Gurr (1995), 'Tracking Democracy's Third Wave with Polity III Data', **32(4)** *Journal of Peace Research*, 469–482.
41. Jeong, Byeongju (2000), 'Bad Policies under an Autocrat's Production', *CERGE-EI Working Paper* No. 159.
42. Kaldor, Nicholas (1956), 'Alternative Theories of Distribution', **23(2)** *Review of Economic Studies*, 83–100.
43. Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, and Massimo Mastruzzi (2003), 'Government Matters III: Governance Indicators for 1996–2002', *World Bank Policy Research Working Paper*, WPS 3106.
44. Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, and Massimo Mastruzzi (2005), 'Government Matters IV: Governance Indicators for 1996–2004', *World Bank Policy Research Working Paper*, WPS 3630.
45. Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, and Massimo Mastruzzi (2006), 'Government Matters V: Aggregate and Individual Governance Indicators for 1996–2005', *World Bank Policy Research Working Paper*, WPS 4012.
46. Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, and Massimo Mastruzzi (2007), 'Government Matters VI: Aggregate and Individual Governance Indicators 1996–2006', *World Bank Policy Research Working Paper*, WPS 4280.
47. Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, and Pablo Zoido-Lobaton (1999), 'Government Matters', *World Bank Policy Research Working Paper*, WPS 2196.
48. Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, and Pablo Zoido-Lobaton (2002), 'Government Matters II - Updated Indicators for 2000–2001', *World Bank Policy Research Working Paper*, WPS 2772.
49. Kohli, Atul (1986), 'Democracy and Development', in J.P. Lewis and V. Kallab (eds.), *Development Strategies Reconsidered*, New Brunswick: Transaction Books, 153–182.

50. Kormendi, Roger C. and Philip G. Meguire (1985), 'Macroeconomic of Determinants of Growth: Cross-Country Evidence', **16(2)** *Journal of Monetary Economics*, 141–163.
51. Lake, David A. and Matthew A. Baum (2001), 'The Invisible Hand of Democracy: Political Control and the Provision of Public Service', **34(6)** *Comparative Political Studies*, 587–621.
52. Lambsdorff, Johann Graf (2002), 'Corruption and Rent-Seeking', **113(1–2)** *Public Choice*, 97–125.
53. Landau, Daniel (1986), 'Government and Economic Growth in the Less Developed Countries: An Empirical Study for 1960–1980', **35(1)** *Economic Development and Cultural Change*, 35–75.
54. Levine, Ross and David Renelt (1992), 'A Sensitivity Analysis of Cross-Country Growth Regressions', **82(4)** *American Economic Review*, 942–963.
55. Marsh, Robert M. (1979), 'Does Democracy Hinder Economic Development in the Latecomer Developing Nations?', **2(2)** *Comparative Social Research*, 215–248.
56. Marsh, Robert M. (1988), 'Sociological Explanation of Economic Growth', **23(4)** *Studies in Comparative International Development*, 41–76.
57. McGuire, Martin C., and Mancur Olson (1996), 'The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force', **34(1)** *Journal of Economic Literature*, 72–96.
58. Mokyr, Joel (1990), *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*, Oxford, UK: Oxford University Press.
59. Mookherjee, Dilip and I.P.L. Png (1995), 'Corruptible Enforcers: How Should They Be Compensated?', **105(428)** *Economic Journal*, 145–159.
60. Moon, Bruce E. (1991), *The Political Economy of Basic Human Needs*, Ithaca, NY: Cornell University Press.
61. Mueller, Dennis C. (2003), *Public Choice III*, Cambridge: Cambridge University Press.
62. Muller, Edward N. (1988). 'Democracy, Economic Development, and Income Inequality', **53(1)** *American Sociological Review*, 50–68.
63. Navia, Patricio and Thomas D. Zweifel (2003), 'Democracy, Dictatorship, and Infant Mortality Revisited', **14(3)** *Journal of Democracy*, 90–103.
64. North, Douglass C. and Barry R. Weingast (1989), 'Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutional Governing Public Choice in Seventeenth-Century England', **49(4)** *Journal of Economic History*, 803–832.
65. Olson, Mancur Jr. (1982), *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Rigidities*, New Haven, CT: Yale University Press (русский перевод: Олсон М. (1998), *Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз*, Новосибирск: ЭКОР).
66. Olson, Mancur Jr. (1993), 'Dictatorship, Democracy, and Development', **87(3)** *American Political Science Review*, 567–576.
67. Persson, Torsten and Guido Tabellini (1994), 'Is Inequality Harmful for Growth?', **84(3)** *American Economic Review*, 600–621.

68. Pinto, Pablo M. and Jeffrey F. Timmons (2005), 'The Political Determinants of Economic Performance: Political Competition and the Sources of Growth', **38(1)** *Comparative Political Studies*, 26–50.
69. Pourgerami, Abbas (1988), 'The Political Economy of Development: A Cross-National Causality Test of Development-Democracy-Growth Hypothesis', **58(2)** *Public Choice*, 123–141.
70. Pourgerami, Abbas (1991), 'The Political Economy of Development. An Empirical Investigation of the Wealth Theory of Democracy', **3(2)** *Journal of Theoretical Politics*, 189–211.
71. Przeworski, Adam (1966), *Party System and Economic Development*, Ph.D. dissertation: North-Western University.
72. Przeworski, Adam and Fernando Limongi (1993), 'Political Regimes and Economic Growth', **7(3)** *Journal of Economic Perspectives*, 51–69.
73. Quinn, Dennis P. and John T. Woolley (2001), 'Democracy and National Economic Performance: The Preference for Stability', **45(3)** *American Journal of Political Science*, 634–657 .
74. Remmer, Karen L. (1990), 'Democracy and Economic Crisis: The Latin American Experience', **42(3)** *World Politics*, 315–335.
75. Reuveny, Rafael and Quan Li (2003), 'Economic Openness, Democracy, and Income Inequality: An Empirical Analysis', **36(5)** *Comparative Political Studies*, 575–601.
76. Rivera-Batiz, Francisco L. (2002), 'Democracy, Governance, and Economic Growth: Theory and Evidence', **6(2)** *Review of Development Economics*, 225–247.
77. Rodrik, Dani (1998), 'Symposium on Globalization in Perspective: An Introduction', **12(4)** *Journal of Economic Perspectives*, 3–8.
78. Rodrik, Dani (1999a), 'Democracies Pay Higher Wages', **114(3)** *Quarterly Journal of Economics*, 707–738.
79. Rodrik, Dani (1999b), 'Where Did All the Growth Go? External Shocks, Social Conflict, and Growth Collapses', **4(4)** *Journal of Economic Growth*, 385–412.
80. Rodrik, Dani (2000a), 'Institutions for High-Quality Growth: What They Are and How to Acquire Them', *NBER Working Paper* No. W7540.
81. Rodrik, Dani (2000b), 'Participatory Politics, Social Cooperation, and Economic Stability', **90(2)** *American Economic Review, Papers and Proceedings of the Annual Meeting of the American Economic Association*, 140–144.
82. Russett, Bruce and John R. Oneal (2001), *Triangulating Peace*, New York: Norton.
83. Sah, Raaj K. (1991), 'Fallibility in Human Organizations and Political Systems', **5(2)** *Journal of Economic Perspectives*. 67–88.
84. Sah, Raaj K. and Joseph E. Stiglitz (1991), 'The Quality of Managers in Centralized versus Decentralized Organizations', **106(1)** *Quarterly Journal of Economics*, 289–295.
85. Schamis, Hector E. (1991), 'Reconceptualizing Latin American Authoritarianism in the 1970s: From Bureaucratic-Authoritarianism to Neoconservatism', **23(2)** *Comparative Politics*, 201–220.

86. Schmitter, Philippe C. and Terry Lynn Karl (1991), 'What Democracy Is... And Is Not', **2(3)** *Journal of Democracy*, 75–88.
87. Schumpeter, Joseph A. (1942), *Capitalism, Socialism, and Democracy*, London: George Allen and Unwin (русский перевод: Шумпетер Й. А. (1995), *Капитализм, социализм и демократия*, М.: Экономика).
88. Scully, Gerald W. (1988), 'The Institutional Framework and Economic Development', **96(3)** *Journal of Political Economy*, 652–662.
89. Sloan, John and Kent L. Tedin (1987), 'The Consequences of Regimes Type for Public Policy Outputs', **20(1)** *Comparative Political Studies*, 98–124.
90. Waller, Christopher J., Thierry Verdier, and Roy Gardner (2002), 'Corruption: Top Down or Bottom up?', **40(4)** *Economic Inquiry*, 688–703.
91. Weede, Erich (1983), 'The Impact of Democracy on Economic Growth: Some Evidence from Cross-National Analysis', **36(1)** *Kyklos*, 21–39.
92. Wilke, Thomas (2002), 'The Investment Theory of Wars: Belligerent Dictators in the McGuire/North-Model of Autocracy', **112(3–4)** *Public Choice*, 319–333.
93. Wintrobe, Ronald (1998), *The Political Economy of Dictatorship*, New York: Cambridge University Press.
94. Wittman, Donald A. (1989), *The Myth of Democratic Failure: Why Political Institutions Are Efficient*, Chicago: University of Chicago Press.
95. World Bank (1990), *The World Development Report 1990*, Oxford: Oxford University Press.
96. Zweifel, Thomas D. and Patricio Navia (2000), 'Democracy, Dictatorship, and Infant Mortality', **11(2)** *Journal of Democracy*, 99–114.

INFLUENCE OF POLITICAL INSTITUTIONS ON DYNAMICS OF MACROECONOMIC INDICATORS

Gregory V. Kalyagin
Associate professor
MSU
Faculty of Economics
(Moscow, Russia)

Abstract

Question on influence of political institutions (and first of all, institutions of dictatorship and democracy) on indicators of economic growth and other macroeconomic indicators are a very interesting question for many economists both in XX and in this century. This article is the review of empirical and theoretical researches on the subject. And there is no unanimity of views on the comparative economic efficiency of democracy and dictatorship. I consider in detail some factors of efficiency with define divergences in estimations of economic efficiency of various political institutions.

Keywords: economic growth, political institutions, democracy, dictatorship

JEL codes: O43, P00, P51, H10